

РАССКАЗЫ

ЯИЧНИЦА НА ДВОИХ

Мы с Санчо сидели в опустевшем вестибюле одной конторы, служившим по вечерам комнатой отдыха для охраны. Место, откуда я сюда добирался, было настоящей клоакой, поэтому мне было проще переночевать на работе и сносно выпавшимся поменять Санчо с утра. Такая определенность была Санчо по душе. И хотя мы уже давно сидели в печенках друг у друга, к моему позднему визиту Санчо отнесся с должным вниманием. По этому поводу он зажарил яичницу из двух завалявшихся в холодильнике яиц. Как сказал бы наш юрист Валера, они не являлись нашей собственностью — Грымзика, но тот конкретно накосячил — не вышел на смену. Так что Санчо, отработавший две смены подряд, уже не желал вдаваться в тонкости частного права. К тому же Грымзика, скорее всего, уволят за прогулы, а покойники никому не нужны, как гласит дворовая мудрость. Сладкий запах справедливой расплаты витал над дымящейся яичницей на сковороде.

После короткого перекуса, когда пришло время для пустяков, Санчо неожиданно заявил самым безапелляционным тоном:

— Думаю, Бог следит за каждым из нас. Сомневаюсь, чтобы каждый день. От случая к случаю, наверное.

Говоря фигурально, Санчо обитал на дне потухшего кратера и не закрывал на это глаза. И такой же честности и прямоты ждал от меня, поскольку видел во мне своего полноправного соседа.

— Какая-то история? — благодушно отозвался я, бросая на остывавшую пустую сковороду взгляд, полный благодарности.

— Да, с моим пятидесятилетием, — оживился Санчо, поудобней вкручиваясь в кресло, которое мы как-то вместе принесли с помойки. — Помню, как еще ребенком из дверного проема наблюдал, как мой дед, директор завода, отмечал свой юбилей. С размахом тогда гуляли и с... восторгом! Не еде на столе радовались, нет, а силище, пребывавшей в них — в деде, конечно, ну и в гостях, тоже не из последних людей. Это было пиршество римского сената, клянусь, и я был свидетелем тому. Потом я рос и мужал в окружении пылившихся повсюду многочисленных подарков с того юбилея, помеченных латинской цифрой L... И вот зима-лето, и уже подошел мой черед отмечать свой полташок. Памятуя о деде-покойничке, я тоже вознамерился отметить свой юбилей с присущим ему размахом. Сразу решил снять номер в «Хаятт», не президентский, конечно, но обязательно с видом на набережную. И не так чтобы сиднем сидеть, как арестант, а выходить время от времени на променад. Любоваться, как ребристая вечерняя вода баюкает тугие гроздьи электрического света. И всю прогулку ощущать в кар-

Олег Владимирович Захаров родился в Свердловске в 1966 году. Окончил Уральский институт коммерции и права. Публиковался в журнале «Урал». Живет в Екатеринбурге.

мане ключи от номера — это важно. Потому что когда все мы, празднующиеся за-
 поздалые гуляки, рано или поздно вернемся на исходную — кто куда, то я вернусь обрат-
 но в гостиницу. Будто этот дорогой и неприступный номер и есть мой дом... Обязательно
 посетю ресторан: покажу паспорт и, может, как именинник выщиганю для себя что-
 нибудь отдельное от счета. Было бы неплохо. Может, вызову проститутку — сбере-
 жения имелись. Хотя к черту проституток, после них я всегда себя чувствую обману-
 тым и обворованным. Даже не знаю, как у них такое удается проделывать раз за разом.
 Учат, наверное... Но жизнь внесла свои суровые коррективы, и юбилей пришлось встре-
 чать на смене. Один урод забухал — ты его не застал. И вот в свой юбилей я сижу на сме-
 не и планирую перенести торжество на ближайший выходной. И тут в аккурат заявля-
 ется Жорик с автоматов. Чего-то там поковырялся, повыкидывал просрочку в ведро,
 забрал выручку, закрыл автоматы и тихо отчалил. Я заглядываю в ведро, а оно бит-
 ком набито чизбургерами в упаковке — с ветчиной, с сыром, с курицей... А ведро-то
 хорошее — туда конторские бумажки рвут. Вот я смотрю на этих касатиков и думаю:
 еще десять минут назад мне бы эти чизбургеры пришлось по дорогой цене брать: де-
 нежку просовывать в автомат, все чин чинарем. А через другие десять минут их можно
 вот так просто забрать. Да, из ведра, но ведь в вакуумной упаковке. С ними еще надо
 повозиться, чтобы вскрыть. Да сами бы конторские в момент их разобрали, если бы
 раньше меня на них напали. И вот такое невероятное везение у меня вышло прямиком
 на мой день рождения. Скорей ташу их все в будку, острее, чем когда либо, ощущая
 себя именинником.

Сразу же на радостях чайку завариваю и половину этих голубчиков тут же приго-
 вариваю. И уже на сытый желудок думаю такую думку: а на кой мне все это? Гости-
 ница? Зачем? Я ведь, слава богу, не бездомный. Ресторан? Да я не хуже приготовлю,
 было бы из чего. И что это за жалкий удел за дорогие деньги брать напрокат чужую
 жизнь? Не отвечай, вопрос риторический. Не получится устроить себе праздник, если
 ты один. Деньги потратить можно, а праздник получить нельзя. Потому что празд-
 ник таится не в кошельке, а в сердцах близких тебе людей. А подарок мне сделал Жора,
 сам того не зная. А раз не знал, значит, подарок все-таки не от него. И Жора здесь не
 более чем посыльный. И тут я печенками почувствовал высшее существо, присталь-
 но наблюдавшее за мной. Вот в тот день я и поверил, что Бог все таки есть... только
 он не любит меня.

Свой рассказ Санчо заканчивал в густом облаке табачного дыма, пряча свою рани-
 мость за пуленепробиваемым образом мужчины с сигаретой. Также значимости до-
 бавляло единственное в помещении кресло, которое занимал он. Тут у нас было не-
 гласное правило: кто на смене — тот и в кресле, а визитеры из числа неожиданных или
 специально приглашенных могут смело занимать имевшиеся в наличии табуреты. По-
 мещение, в котором мы располагались, представляло собой замкнутое пространство.
 Ближайшее окно нужно было искать где-то за закрытой дверью, в длинном коридоре
 с геранью на подоконниках. Но умозрительно мы не теряли связи с ноябрьским ве-
 чером, что в темной прохладе, влажно касаясь стен, обволакивал нас.

— Теперь послушай, что у меня было в воскресенье, — начал я.

— На смене?! — встрепенулся Санчо. Как известно, ничто в этом подлунном мире так
 не занимает охранников, как события, произошедшие на объекте, который он охраня-
 ет. Разные события, и не всегда связанные с его непосредственными обязанностями.
 Тут, видимо, магнетизм исходит от самого места, где охранник вынужден проводить
 треть, если не половину своей вяло протекающей жизни.

— Мои подлецы соседи опять всю ночь не давали мне уснуть, так что на смену я за-
 явился с красными глазами убийцы и зашкаливающим внутричерепным давлением.

На прошлой неделе была та же история, и Тамара Джабраиловна уже ловила меня за сном, так что в этот раз я судьбу искушать не собирался. И точно: приходит и первым делом ко мне в будку заглядывает. А я такой ничего, бодрячком, хоть и из последних сил. Через пару часов уходит и говорит мне на прощание так по-заговорщически: «Я сегодня больше не приду». Что мне услышалось как: «Если хочешь спокойно и без напруга немного покемарить, то сейчас самое удобное время». И поскольку по случаю выходного дня в конторе не было ни одной живой души, то я бесстрашно развалился на топчане в поисках медитации или ответов на проклятые вопросы бытия, как пойдет.

Санчо в кресле аж восторженно зажмурился от предвкушения.

— И только из темноты, обволакивающей меня, кто-то стал подавать мне голос... как дверь резко открылась, и вошел...

— Безопасник? — Санчо был благодарен мне за эту викторину.

— Нет, — выдыхаю я обреченно.

У Санчо аж дух перехватило.

— Тамара Джабраилова в обратку?

Я страдальчески улыбаюсь:

— Если бы.

Санчо был готов назвать следующую инстанцию, но для этого ему нужно было время, чтобы собраться с духом. Я не торопил его, давая прочувствовать весь ужас описываемого момента.

— Е... ли... за... ров? — спросил он по слогам, словно вышеназванную величину невозможно было уместить в один контейнер.

Я обреченно кивнул.

Видно, что ошарашенный Санчо пытается представить себя на моем месте и у него это плохо выходит.

— И что?

— Ничего. Просит у меня ключи от своего кабинета, делая вид, что ничего не замечает.

— А ты весь помятый, опухший? — мурлыкает Санчо.

— Да уж конечно, раскумаренный, — подтверждаю я.

— Чего это он в выходной заявился? Не было прежде за ним такого.

— Вот и я подумал: чего это он? Главное, вначале начальница появляется, говорит, что все будет тихо, а затем и Сам заявляется. Интересная двухходовочка получается. Уволить меня решили за то, что в субботу спящим попался. Провели, как одноклеточное. Через какое-то время Елизаров снова появляется, отдает ключи и говорит мне на прощание «счастливо». Счастливо! С чувством так говорит, без формализма, — поясню я в недоверчивую физиономию Санчо. — Ну, думаю, начались эти садистские штучки: обволакивают дружелюбием, мысленно уже подписав приказ о твоем увольнении. До поры до времени держат в неведении, играют как кошка с мышкой.

— Да уж, попасться спящим на глаза самому генеральному... — Санчо так и не удается до конца оправиться от потрясения.

— Дорабатываю смену так себе, — продолжаю я. — Чего, думаю, стараться, если работу все равно профукал. Перед уходом выгреб все из своего ящика: радио, кружку, тапочки. Дома уже новые варианты прорабатываю. Обдумываю планы на жизнь. И при этом постоянно жду звонка: мол, больше на работу приходить не надо, приходите забирать документы и все такое... И вот в таком маринаде варюсь два своих выходных. Так и не позвонили. Ладно, думаю, решили пойти по самому жесткому сценарию, когда приговоренный, ничего не подозревая, спешит себе на работу, полный планов и несовершенных поступков, похожий на свернутую непрочитанную газету. А на него гля-

дят, как на прокаженного, и говорят: стоп, не надо снимать верхнюю одежду, только отряхнитесь и можете подниматься в отдел кадров, где вас уже пристально ожидают.

— А газету свою дома дочитаете, — вставил Санчо с понимающим видом.

— Лишь бы над человеком покуражиться, — согласился я.

— Утром собираюсь на работу, а у самого в голове только одна мысль, как бы этим садюгам доставить поменьше удовольствия. И вот я отправляюсь на плаху с вызывающе тонким пакетом, нарядный, словно на детский утренник, до одури надушившись дорогим парфюмом, какой они в своей камере пыток и не нюхали. Естественно немного опаздываю, как того требует случай.

— Грымзик жаловался, — подтверждает Санчо.

— «Ты на смену?» — спрашивает Грымзик, с ходу оценив мой нездешний воинственный вид. Мычу что-то неопределенное. Дескать, собираюсь вас всех к черту послать, но в интересах предприятия могу и незамедлительно приступить к работе. Тот сдает мне смену и технично убегает. Ну что ж, думаю, по крайней мере, дают доработать смену, чтобы закрыть полный месяц. А пока будут втихаря искать мне замену. И вот я окопался в будке, в самом сердце вражеской территории, и пытаюсь распознать знаки. Проходит мимо Тамара Джабраиловна — тишина. Спускается покурить безопасник — этот-то свою шакалью натуру непременно выдаст, но нет, все как обычно. Ловко замаскировалась, думаю. Наконец приезжает на работу сам Елизаров: протягивает руку, здоровается как ни в чем не бывало.

На лице Санчо читается разочарование.

— Сижу, значит, но тут меня начинает одолевать голод, — продолжаю я передавать сводки с боевых действий. — Я ведь ничего с собой не взял из еды, решив в случае благоприятного исхода обойтись суточным голоданием. Я такое практикую — ты знаешь, но я только недавно вышел из очередного такого, и нынешнее было явно преждевременным. Все равно что повторно оплатить уборку в уже убранном доме. Именно такую метафору подсказал мне мой подвывающий желудок, с него и спрос. Плевать, говорю я ему, мы это проделывали не одну сотню раз, так что не ссохнешься. И тут мне со второго этажа приносят глубокую тарелку кусочков очищенной дыни. Впервые от них такое. Я аж растерялся. Командую желудку «отбой» и приступаю к трапезе. При этом чувствую себя как монашка, нарушившая обет. И в качестве расплаты желудок начинает пучить. Тело укоряло мой ослабший дух. Но дело идет к вечеру: я сижу на вахте полуголодный, с расстроеным желудком, что-то предавший в себе, но спасенный и избежавший своих худших подозрений. И тут этот лысый арендатор из подвала поднимает мне кучу дорогущих конфет разных сортов...

— Не смена, а один сплошной день рождения, — заметил Санчо.

— День с самого утра обещал выдаться занятым, так что к вечеру я уже устал удивляться, — скромно откомментировал я. — А часам к восьми спускается Елизаров, сдает ключи и на прощание бросает мне, чудесно спасенному, свое фирменное «счастливо».

Санчо затянулся новой сигаретой, уйдя в псевдоглубокомыслие. Он ждал объяснений, и я был готов ему их предоставить.

— Видишь ли, — продолжил я, — если тебя на рабочем месте застал спящим сам генеральный, то такое попадалово по своей фатальности сопоставимо разве что с прыжком без парашюта в объятия низко летящих облаков. Финал легко предсказуем и неизбежен. И один только Бог способен помочь избежать твоей незавидной участи. Если, разумеется, захочет выйти из-за кулисы и явить миру подлинное чудо. И сейчас я тебе во всех деталях описал самое настоящее чудо со всей его внешней стороной, за вычетом того, что навсегда останется сокрытым от нас. Я здесь был лишь свидетелем тому и скромным рассказчиком.

Пустая теплая сковорода, расположившаяся между нами, хранила память о съеденной яичнице. Разбитая скорлупа хранила память об яйцах. А наша прожитая жизнь хранилась в призрачных воспоминаниях, которые мы иногда извлекали на свет.

К ночи мы с Санчо расплозлись по разным углам, устраиваясь на ночлег. И оставшись наедине с собой, полагаю, по привычке продолжили философствовать. Как выяснилось, единственным нашим земным богатством была молодость. Под молодость щедро раздают кредиты, и мы нахватили себе жен и детей. А когда молодость безвозвратно прошла, мы превратились в потертых мужичков на низкооплачиваемой работе. И женщины отвернулись от нас. Не только жены — все женщины. И тогда каждый из нас столкнулся в своем доме лоб в лоб с подселенной соседкой — Одиночеством. «Зато ни за кого не надо платить», — мурлыкало оно в темноте, тяжело наваливаясь на грудь. Неумелые путешественники, мы, как умели, колесили по жизни, пока в итоге не очутились на дне потухшего кратера, без всякой надежды выкарабкаться оттуда. И мы прекрасно осознавали, с чем нам придется сталкиваться изо дня в день. Однако по ночам через круглое жерло нам являлось блюдце звездного неба, и мы придумывали свои первобытные религии, чтобы сохранять силы и дальше тянуть свою лямку день за днем...

МОКРАЯ ИСТОРИЯ

Эта история случилась в ту пору, когда я частенько ошивался в гостях у своих деда с бабушкой. Та пора закончилась, когда мне стукнуло шестнадцать лет. Но эта история произошла, когда мне было только десять; мы с родителями жили неподалеку от них, и мне нравилось наносить старикам неожиданные визиты. Это немного приподнимало над обыденным существованием: тебя принимают на полном серьезе, называют не так, как обычно зовут родители, наливают чай в совсем другие кружки, выкладывают в вазочку что-нибудь вкусненькое, и ты уютно заземляешься в мире, так непохожем на твой.

В их доме бабуля была берегиней домашнего очага, а дедушку звали Аскольд. Он и выглядел соответствующе; я не мог представить деда под другим, более прозаичным именем, навряд ли Юрия или Виталия. Бодрый, если не сказать пижонистый старикан лет пятидесяти, абсолютно на какой-то своей волне чудом сохранившийся осколок от совсем иной жизни.

В тот день по дороге к ним я попал под чудовищный ливень.

Лето, по оценкам взрослых, выдалось дерьмовым, дожди и впрямь лили не переставая, но мне, мальчишке, нравилось быть застигнутым дождем где-нибудь в городе. В такие моменты люди, трусливо жмущиеся под козырьками зданий, казались мне убежденными грешниками, страшась божьего благословения, как черт ладана. Когда я что-нибудь подобное высказывал своим родителям, отец в немой ярости начинал сверлить глазами мою мать, словно это она где-то недоглядела, что ее родителем оказался дед Аскольд. Как я догадывался, для отца было большое испытание выслушивать разглагольствования тестя за праздничными посиделками, но когда уже я начинал вещать в его стиле, отец принимался лихорадочно искать глазами на стене ружье, которого у нас, по счастью, никогда не было.

Дверь мне открыла бабушка. Она тут же сообщила мне, что мы с дедом только что разминулись, и поставила на плиту маленький чайник со свистком, чертовски приятный на ощупь, пока не нагреется.

— Представляешь, ушел без зонта, — поделилась она со мной, прикуривая от плиты. Она была моложе деда и, наверное, последняя в городе, кто продолжал носить юбки с глубоким разрезом.

Она предложила мне сухую дедову рубашку, но я, внутренне ужаснувшись, вежливо отказался. Втайне я испытывал суеверный ужас перед примеркой одежды от родственников значительно старше меня. Мне казалось, что и отцовская рубашка способна высосать из меня молодость в виде нашей разницы в возрасте, чего уж говорить о дедовой. Спасибо братьям Гримм, или от кого там еще я мог подцепить подобные суеверия.

Мы прождали деда часа четыре, не меньше. Точнее, ждала бабуля, всматриваясь одним ей понятным взглядом в падавшую с неба воду за мокрым стеклом, я лишь лениво постреливал пультом в экран телевизора, и он отвечал мне разнообразными гримасами.

Вышедший по какому-то пустяковому делу, наш дед пропал в исчезающем под дождем городе. Связаться с ним не было никакой возможности, так как свой мобильник, как и зонт, он оставил дома.

Наконец послышался долгожданный звонок в домофон.

— Кто? — подняла трубку бабуля.

— Аскольд, — отрекомендовались в трубке. И на тот случай, если имя Аскольд ничего не скажет бабуле, уточнили с нотками комической респектабельности: — Твой муж.

И вот он предстал перед нами на пороге: мокрый до последней нитки, с неправдоподобно сухой головой. Кстати, волосы наш дед то и дело красил.

Переодетый в сухое и чистое, усевшись в роскошное кресло белой кожи, дед объяснил причину своей пропажи.

— Это было путешествие в самое сердце тьмы, — возвестил он. — И вернувшись оттуда, считаю своим долгом сообщить вам, мои дорогие: мир больше не тот.

И глядя, как бабуля везет из кухни маленькую тележку с горячим кофе и разными вкусностями, я вдруг отчетливо осознал, что мир перестал быть тем, еще задолго до появления на свет деда Аскольда. Он ни одного дня своей жизни не прожил в своем мире, где вызывают на поединок, обнажив меч, где жгут сигнальные костры и оставляют любовные послания в условленных тайниках. Однако каким-то непостижимым образом он хранил память о родине своей души, и это всех раздражало, кроме меня и бабули.

— Рассказывай.

Ободренный вниманием слушателей, словно оперная прима при полном зале, дед повел свой рассказ.

— Я всего лишь намеревался получить свой страховой медицинский полис в офисе, расположенном в каких-то паре-тройке километров отсюда. Я собирался совершить эту безобидную прогулку пешком, потому что вам хорошо известен мой принцип: по мере сил я стараюсь избегать общественного транспорта, а на сэкономленные на проезде деньги, в качестве поощрения, я покупаю себе банан. Поэтому в моей жизни так много полезного фитнеса и не менее полезных бананов, а не этой мутной жижи совместного существования, что плещется в салоне любого общественного транспорта. — Дед разговаривал так, словно, кроме нас с бабкой, в комнате присутствовали еще несколько малознакомых людей, которым следовало давать необходимые пояснения.

— Итак, я подхожу к нашему окну и с надеждой всматриваюсь в повсюду валявшиеся лужи, как в разбитое зеркало неба. Их поверхность тиха и безмятежна. Ободренный, я совершаю свои последние приготовления и с видом искушенного пессимиста вновь подхожу к окну, но уже с другой стороны дома. И опять вполне благостная картина: соседка, легко одетая, с непокрытой головой, бодро выходит из подъезда, чтобы, очевидно, отдать всю себя без остатка этому городу...

— Соседка с первого этажа? — решила уточнить бабуля.

— Почтеннейшая мать семейства! — подхватил дед Аскольд, давно переставший удивляться сверхъестественной проницательности своей супруги. — И вот я, преиспол-

ненный надеждами на лучшее, выхожу из дома. Предстояла приятная пешая прогулка среди городских ландшафтов, не без пользы дела, однако. И первое, с чем я сталкиваюсь по выходу, — это энергично морозящий, мелкий дождик. Я вспоминаю недавнюю тихую безмятежность лужиц, этих мутных глаз дьявола, вспоминаю соседку с первого этажа, с головы до ног нелепейшее существо, и чувствую себя жестоко обманутым. Как вам хорошо известно, не в моих правилах отступать перед трудностями, и я продолжаю свой путь, исполненный праведного негодования. А дождь только усиливается. Теперь это уже настоящий ливень. И хотя он нисколько не поколебал моих намерений, мне становится немного жаль моих недавно выкрашенных волос. Из-за этого подлого дождя я рисковал превратиться из молодежавого красавчика в облезлого скунса! И что я делаю? Я нахожу глазами двери какого-то учреждения с эмблемой аптечного креста на вывеске и бросаюсь к ней с отчаянием изможденного странника под монастырские стены.

Это оказалась какая-то частная медицинская клиника, чьи дела идут ни шатко ни валко, судя по безлюдной тишине, царившей в холле. Я с печалью смотрел на дождь за стеклянной дверью и с высоты своего жизненного опыта понимал, что такой дождь может затянуться на несколько суток. На моих глазах лужи расплзались в небольшие озера. Я в полной мере начинаю осознавать, в каком глупейшем положении я оказался: дома лежит франтоватая кепка, купленная на осень, к ней же шикарный английский зонт-трость, но я, заочно посоветовавшись с лужами за окном и пустой башкой безмозглой соседки, выхожу без всего, чтобы в каких-то пятистах метрах от своего дома оказаться жертвой обстоятельств, узником, замурованным городским дождем...

— Становится интересней. — В лице бабули дед Аскольд всегда находил благодарного слушателя.

— ...И я становлюсь настолько зол на этот дождь, который успел для себя одушевить, что начинаю его воспринимать как своего тюремщика, перед которым мне униженно даже стоять, — продолжил дед Аскольд, бросив недоверчивый взгляд в сторону супруги. — Я нахожу скамеечку возле пустующего гардероба и тихонечко присаживаюсь. Через полчаса в клинику входит молодая женщина. Перед собой она катит коляску с ребенком. Женщина притормаживает у гардероба, снимает мокрую куртку и приглашающе перебрасывает ее через край стойки. «Возьмите куртку», — говорит она мне укоризненным голосом, напоминающим мне о моих якобы прямых обязанностях. Я там так откровенно скучал, что с радостью ухватился за предоставившуюся возможность пошутить в духе комиков немного кино. Я как ни в чем не бывало захожу в открытый гардероб и с видом добросовестного трудяги принимаю куртку, и более того — выдаю бирку!

Дед Аскольд обвел нас победоносным взглядом, требующим заслуженного восхищения.

— А где был настоящий гардеробщик? — спросила недоумевавшая бабуля.

— Так ведь лето: распустили до осени, — со знанием дела пояснил дед Аскольд. Затем выждал выразительную паузу и саркастически добавил: — Кстати, если будут еще возникать вопросы относительно тонкостей гардеробного мастерства, можете смело и дальше обращаться ко мне, признанному специалисту, как мы все знаем.

— Продолжай.

Дед Аскольд сделал большой глоток кофе, словно ему требовалось перевести дух, а заодно восстановить силы, чтобы справиться с оскорблением, нанесенным двумя женщинами по одному и тому же поводу.

— В общем, дождь все лил, я продолжал сидеть, а эта дура через час заявила, что у нее из куртки пропал дорожный телефон. И откуда что берется, но я ей прямо с ходу парирую: «За оставленные вещи администрация ответственности не несет». — «В полиции

будешь рассказывать», — шипит она в ответ и перекрывает коляской выход из клиники. Затем начинает голосить как потерпевшая. Прибегают тетки в белых халатах с раскрасневшимися от чая физиономиями. Начались расспросы: кто таков? зачем полез в гардероб? Но из-за их трусоватого напора я становлюсь отреченным, словно статуэтка Будды на пыльных антресолях. У меня свое занятие — я жду, когда закончится дождь. И конечно, не сразу, но все же появляется «она», родимая: на стареньком уазике, в бронезилетах, с автоматами наперевес. Меня сажают в зарешеченное место для пассажиров, предварительно обыскав, и мы, захватив эту истеричную дуру с коляской и ее идиотского ребенка, одной большой семьей отправляемся на «базу».

Дальше в полиции пытаются выяснить мою личность, но документов при мне никаких нет. Я им называю себя, и через полчаса тип с усами прапорщика заявляет мне, что человек, которым я назвался, умер три дня тому назад. «Возрадуемся же моему чудесному воскрешению во плоти», — саркастически заявляю я, чувствуя себя участником какого-то отвратительного фарса.

И сразу после этих произнесенных мною слов наша потерпевшая, словно вавилонская блудница, которую коснулись лучи божьей благодати, перекрестившись — да, да, — заявляет толпившимся вокруг нее малообразованным мужчинам в погонах: «Я тот телефон с собой не брала. Он же дома остался!» И тут же потеряв интерес ко всем нам, пробивается с коляской к выходу. Тут бы и мальчишкам в казенной одежде последовать ее примеру, но не тут-то было. Им, заинтригованным, враз приспичило установить мою личность. Настолько приспичило, что даже отпустить не захотелось.

И тут я предлагаю этим разочарованиям родительских надежд отвести меня в офис страховой компании, где меня поджидает полис с моими данными и, как я надеялся, вполне удачной фотографией моей физиономии. И что вы думаете, было дальше? Мы с мальчишками прыгаем в машину поприличней и едем по указанному мною адресу.

Уже в офисе один из моих провожатых спрашивает агента в лоб: «Как вы умудрились оформить полис „покойнику“?» Агент смотрит сначала на него, потом на ироничную ухмылку, игравшую на моем лице, и не менее прямо отвечает: «Когда мы его оформляли, он покойником не был». Потом они долго созванивались — каждый по своим каналам, то и дело передавая трубку друг другу, — пока не выяснили, что имела место ошибка, допущенная по чьей-то халатности. Меня снова вернули к жизни, но дождь продолжал лить, как лил.

— Длинновато получается, — со свойственной ей деликатностью заметила бабуля, словно только от деда как от рассказчика зависело количество перипетий, о которых предстояло отчитаться.

— И все же, — вдохновенно продолжал дед Аскольд, пропустив ремарку мимо ушей, — я покидал страховщиков в прекрасном расположении духа. Судите сами: дело, ради которого я выходил из дома, было благополучно разрешено, половина дороги у меня уже была за спиной, и — что немаловажно — волосы оставались сухими!

— А дождь продолжал лить, — рефреном подхватила бабуля с немного отсутствующим видом.

Дед радостно просиял в ответ.

— Итак: выхожу под узенький козырек на фасаде и чувствую себя просто неотразимым. Во мне это впервые появилось лет в двадцать с небольшим и до сих пор не проходит. И я начинаю шутивно предлагать всем проходящим мимо дамочкам взять меня под зонт. Чем не выход? И десять минут этого занятия совершенно убили во мне последние остатки веры в людей: женщины, к которым я обращался, судорожно впивались в свои потрепанные зонты и ускоряли шаг. Были и те, которые не ускорялись, а начинали самодовольно крутить задом, уподобляясь людям, что наслаждаются беспомощно-

стью человека, оставшегося на берегу. Там, на городских улицах, в гуще проходивших мимо людей, я ощутил себя сосланным на необитаемый остров, я отчаянно хватался за края лодки, и меня били прикладами по пальцам.

— Говоря фигурально, — вставил я свои «десять копеек».

Дед Аскольд бросил на меня взгляд, полный жалости, только что осознав, в каком кромешном аду мне придется вариться десятилетие за десятилетием.

— И тут надо рассказать об одной особенности, которую я и ранее подмечал в себе: если общество перестает вести себя предсказуемо, соблюдать им же установленные правила, то и я в свою очередь начинаю чувствовать себя свободным от социального протокола. Во мне просыпается другая личность, очевидно более подлинная, до поры до времени загнанное в угол мое истинное «я».

— Как все же хорошо слушать твою историю, зная наперед, что ты уже здесь — сидишь в кресле, пьешь кофе... — вздохнула с облегчением бабуля. — Конец истории пришел вместе с тобой, или к нам еще кто-нибудь заглянет?

— И конец истории, и полис, — успокоил супругу дед, самодовольно похлопав себя по заднему карману брюк. — Итак, сбросив все условности, я снимаю с себя куртку и, накрывшись ей на манер зонта, отправляюсь пешком по затопленному городу. Люди с зонтами сторонятся меня, ибо чувствуют, что я уже переступил черту дозволенного и со мной нынче шутки плохи.

— Может, все же стоило воспользоваться общественным транспортом? — робко осведомилась бабуля.

— Наивная женщина! — закатил очи вверх ее супруг, словно призывая в свидетели небо. — Не было в этих подворотнях никакого общественного транспорта. Скажу более: чем дальше и яростнее я продвигался, тем отчетливее начал понимать, что вконец заблудился. Представляете: заблудился! Я! В городе, в котором доживаю шестой десяток. Да я даже в детстве умудрился ни разу не заблудиться. А тут я стою с дурацкой курткой на голове посреди какого-то гетто и даже близко не представляю, в какой стороне находится мой дом.

— Это потому, что тебя привезли на машине в малознакомый район, — успокоила его бабуля.

— Разумеется, — враз согласился дед Аскольд.

— Спрашиваю у проходящей мимо женщины, в какой стороне находится «Мегахауз», — продолжил наш рассказчик.

— Я не знаю, — с ходу отвечает она мне.

— Да бросьте, — говорю. — «Мегахауз» все знают.

— А что там у вас? — спрашивает.

— Я там живу неподалеку.

— Так вы что, забыли дорогу домой? — спрашивает.

— Да, заблудился, — отвечаю, престарелый обалдуй.

И она преспокойно идет дальше, словно все, что ей было нужно от этой беседы, она уже получила.

И тут мимо меня легкой рысцой пронесется лошадка, запряженная в телегу с возницей в брезентовой плащ-палатке. Я понял, что реальность — нормальная и повседневная — для меня закончилась еще в клинике вместе с большой дурой, что я оказался в зазеркалье и должен действовать по его правилам. И что же я делаю? Я бегу за лошадкой, догоняю и в красивом прыжке оказываюсь рядышком с возницей, оп-ля!

— Ты думаешь, лошадка не заметила, что ей на хребет еще один хряк взгромоздился? — со всей серьезностью спрашивает меня возница. — Не в трамвай, поди, запрыгнул.

— Я заплачу, — предлагаю я.

Намокшее лицо возницы светится мудростью.

— Лошадке твоих денег не нужно. А вот помыть ее хорошенечко, да с щеточкой, это да.

— Да я только сел, — возмутился я. — Вымыть лошады! Хорошенькое дельце. А зубы ей золотые во всю челюсть не вставить?

Больше возница ни на чем не настаивал. Видимо, понравилась шутка про зубы.

И едем мы себе так неспешно под проливным дождем, а я между тем даже не представляю, в какую сторону мы движемся. Но теперь это уже и не так важно, я в предвкушении того, что сейчас случатся вещи более значимые.

И вот мы проезжаем мимо небольшой похоронной процессии... И хотя ничто прямо не указывает на личность покойного, но внутри себя я уже знаю, что везут хоронить того, другого Аскольда, моего злополучного двойника, несчастного бедолагу, на полость чьей непростой судьбы я сегодня случайно вступил. Почему я так решил? Судите сами: мы знаем, что тот, другой Аскольд умер три дня назад, как раз подходящее время, чтобы начать хоронить. Во-вторых, и это тоже стало известно, что мы проживали с ним в одном районе. И в-третьих, не так уж много у нас умирает людей в городе, чтобы пренебречь первыми двумя условиями. И наконец, у меня было предчувствие, что это именно он. Слишком уж часто наши пути с ним пересекались за сегодня. Заочно, разумеется. И вот настал час, как говорится, встретиться лицом к лицу. Этого требовал закон жанра.

Обнадеживало, что катафалк с телом направлялся в сторону противоположной нашей, в самое сердце тьмы, и я понял, что скоро выберусь. И вправду, вскоре лошадка вывезла меня к служебному входу торгового центра. Оказалось, что они с возницей работают на небольшой кооператив, поставлявший в магазины домашний творог.

— Ну, уж в «Мегахаузе» ты как рыба в воде, — с облегчением вздохнула бабуля. Рассказ деда заставлял с замиранием сердца следить за его путешествием «на край ночи».

— Дождь лил не переставая, — продолжил дед бодрым тоном спасенного человека, — и я решил немного пройтись по торговому центру, чтобы обсохнуть и перевести дух. Естественно, поперся в супермаркет: требовалось заесть стресс чем-нибудь вкусеньким. Решил: усядусь где-нибудь на скамеечке, буду жевать и смотреть, как идет дождь. Я расплатился на кассе и в стороне от всех принялся изучать чек. Вы знаете другой принцип моей жизни: я всегда читаю свои чеки. Во-первых, мне это нравится. Словно читаешь монографию о себе. Во-вторых, всегда бывает нелишним проверить, за что и сколько заплатил. И тут я не поверил своим глазам: майонез, семьсот пятьдесят грамм! Господи, да я за всю жизнь не съел столько майонеза, а тут согласно чеку я являюсь гордым обладателем целого ведерка, кстати, не самого дешевого. Форменное мошенничество. И все же эта жалкая афера с чеком показалась мне не более чем отрыжкой моего недавнего безумного путешествия на край ночи, говоря языком Селина. «Ну, ребята, — говорю я, мысленно обращаясь ко всем, кого это может касаться, — нельзя же так со мной. Я ведь все-таки ни много ни мало академик». В общем, иду на кассу разбираться: деньги мне возвращают, забывая при этом принести извинения. Черт с ними, я вновь напяливаю себе на голову куртку и отправляюсь домой, изрядно потрепанный, но несломленный. И вот я перед вами.

Возникла пауза, сочная и полновесная, какая возникает от переполненности чувств.

— Да, все-таки эта соседка с первого этажа — ненадежная женщина, — резюмировала бабуля, всегда умевшая всхватить самую суть.

Дождь вскоре закончился, и я засобирался домой. Надел кроссовки и вышел из квартиры, минуя церемонию прощания.

Сбежав на первый этаж, я увидел на лестничной площадке приоткрытую дверь в квартиру и пышнозадую женщину в домашнем халате, томно курившую в щель две-

ри, ведущей в подъезд. Пресловутая «соседка с первого этажа». Волосы у нее были совершенно сухими. Помимо сухих волос, с моим дедом их объединяло приключение людей, застигнутых в городе сегодняшним проливным дождем. Наверное, у нее тоже имелась своя захватывающая дух история. Впрочем, до деда ей было далеко, куда ей до действительного члена-корреспондента Академии наук. Она, соседка, вообще была такой шкатулкой с секретами, очевидно весьма пошлыми, судя по ее самодовольной физиономии и вульгарной манере затягиваться. Затем подъездная дверь открылась нараспашку, и мужчина с двумя детьми, очевидно приехавшие издалека, прошли в незапертую квартиру.

Выстрелив окурком куда-то в улицу, женщина в халате буднично направилась за ними, но завидев меня, остановилась и даже зачем-то полезла в накладной карман.

— Ты вроде из шестьдесят четвертой? — спросила она, назвав квартиру деда с бабкой.

— Да, — бесхитростно ответил я.

Она достала из халата страховой полис.

— Передай Аскольду Карловичу, — сказала она и, неприятно хохотнув, добавила: — В подъезде обронил.

Я мигом взлетел на второй этаж, дверь еще оставалась незапертой. Не привлекая к себе внимания, я тихонько прошел в ванну и сунул полис под грудку мокрого белья. Перед тем как вновь покинуть квартиру, я из прихожей прислушался: в комнатах было тихо, словно там вообще никого не было.